

Роскошный летний вечер. Далекое море оказывает свое благодатное синее воздействие. Руки медсестры с прилежанием — можно сказать, с любовью — готовят чай для пациента. Это руки женщины среднего возраста, с сильными мозолистыми пальцами, руки, умеющие работать с телами и с предметами. Женщина прогревает фарфоровый чайник со смесью листьев черного и зеленого чая, который привык пить мужчина, за которым она ухаживает. Затем она заливает из кастрюльки в чайник кипяток и выжидает положенное время, чтобы чай настоялся. Поднос в руках медсестры отбрасывает блики, когда она поднимается по ступенькам в комнату своего пациента, последнюю в коридоре с пятью дверьми, освещенном вечерним солнцем. По всей длине расставлены глиняные вазы с красными цветами. Медсестра смотрит на цветы. На закате их краснота как будто распространяется по всему коридору. Медсестра наливает в чашку немного дымящегося чая: теперь она подмечает, что напиток тоже приобрел красноватый оттенок, как будто это чай дарджилинг, а ведь обычно эта смесь имеет темный цвет. Маленькая рука — почти детская, гораздо меньше, чем рука медсестры, — принимает протянутую чашку; это рука ее пациента. Обмен улыбками. На окне — отблески ослепительно-

красного моря — это садится солнце. Вспышки эти как будто отражаются и на ноже в руке медсестры — женщина принесла его из кухни. Руки пациента в это время заняты чашкой чая, и он не может защититься от огромного лезвия, беспрепятственно входящего в его левый бок; звук такой, как будто встряхнули старый ковер. Чашка разбивается об пол, чай проливается озерцом, в котором есть все: красные цветы, пурпурный закат, алое море. Пациент со стоном падает. Медсестра вытаскивает нож, чтобы нанести второй удар, лезвие остается чистым. На мгновение в лезвии возникает отражение ее лица. Нос картошкой, маленький подбородок, близко посаженные глаза сейчас широко раскрыты и выражают страшную решимость, достижение единственной цели, наслаждение в чистом виде.

Это я.

Почти всегда я просыпаюсь с криком.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗАНАВЕС
ПОДНИМАЕТСЯ

— Боже мой! — сказал я самому себе. —
Вот-вот произойдет что-то страшное,
а я могу лишь сидеть и дожидаться,
когда это произойдет.

Г. Дж. Клеменс.
«Моя жизнь, взгляд из кресла» (1874)

Достойный сожаления случай мистера Арбунтота

1

Вся эта загадочная история не обо мне, а о мистере Икс, однако полагаю, что я могу сказать несколько слов и о себе.

Я скажу, что зовут меня Энн Мак-Кари, что я медицинская сестра и что в июне нынешнего 1882 года меня наняли для ухода за пациентом в пансион для отдыха джентльменов с расшатанными нервами; именуется он Кларендон-Хаус. И что спустя месяц, подав своему пациенту чашку чая, я всадила ему нож между ребер.

По счастью, я нанесла всего один удар и остановилась прежде, чем добила свою жертву. Я осознала весь ужас совершенного мной. На мои крики сбежались другие медсестры Кларендона, и нам удалось доставить раненого в Портсмутскую королевскую больницу, где он и пробыл до конца лета. За это время мой пациент, которому разговоры давались с трудом (поскольку рана была глубока и он потерял много крови), рассказал мне, что существует группа злоумышленников, так называемые Десять, умеющих контролировать человеческую волю посредством мистического театра: они затуманили мое сознание, убедив меня, что если я зарежу своего пациента, то получу безмерное наслаждение.

И так оно и было.

Я получила безмерное наслаждение.

Отрицать это бессмысленно.

Детство свое я провела в Портсмуте, играя с куклами и с морем. Я познала мужчин — немногих, и я была счастлива рядом с мужчинами — еще реже. У меня подрастают чудесные племянники. Я ухаживала за пациентами и радовалась, когда они шли на поправку. Я подпирала щеку рукой, любуясь рассветами и закатами. В моей крови до сих пор живы строки незабываемых стихов. Все это приносило мне удовольствие, и не думаю, что в этом я сильно отличаюсь от большинства из вас.

Но ударить человека ножом — вот что оказалось для меня самым сладостным.

С одной лишь поправкой.

Как я и говорила, мой пациент постарался мне все объяснить. Ему хорошо дается объяснение самых сложных вещей. В этом он мастер. Он говорит, что все дело в таинственном спектакле. Что я никакая не маниакальная преступница, не получаю удовольствия от убийства людей, ничего подобного. Мой пациент иллюстрировал это на примере щекотки: у тебя нет желания смеяться, но ты все-таки смеешься, когда тебя трогают в определенных местах. Пример *непристойный*, но многое объясняет. Тот спектакль пощекотал мое сознание, и смех мой оказался громогласным и кровавым. Примерно так. Вам стало понятнее? Вот и мне тоже не стало. Но я это чувствовала. Конечно, то была не щекотка, ничего похожего. То было наслаждение. И все-таки я разрешала моему пациенту объяснять мне все снова и снова. По утрам я садилась возле его постели, слушала и кивала, я понимала, что он пытается мне сказать. Это была не я. Да, разумеется, это была я, только другая я. Я во время *щекотки*. Это я понимала и осознавала.

И даже допускала, что иначе и быть не могло, ведь я хороший человек, я даже не стану пинать бродячего пса, если он меня укусит. Я умею молча терпеть сильную боль, чтобы подарить немного счастья другим людям. И не думайте, что я сейчас себя нахваляю. Нет никакого хвастовства в том, чтобы описать себя, как ты есть, а я именно такова: я была хорошей дочерью, заботилась о родителях, моя работа состоит в уходе за людьми и сейчас я ухаживаю за моим пациентом. Все это я о себе знаю и не считаю себя способной принести кому-нибудь вред.

Однако после захода солнца, когда моя голова касается подушки, я снова готовлю этот чай, поднимаюсь с подносом посреди отблесков и улыбок и с той же неотвратимостью, с той же радостью снова вонзаю нож в это крохотное тельце.

А потом я кричу и просыпаюсь. И я никогда не знаю, что со мной было: я кричала от наслаждения и проснулась от ужаса перед совершенным во сне или я кричала от ужаса перед наслаждением, которое заставило меня проснуться.

Я думаю, что все мы — прозрачные озера с грязью на дне.

И существуют способы взбудоражить эту грязь и замутировать всю воду.

2

Моего пациента выписали из Портсмутской королевской больницы в понедельник 4 сентября. До получения ножевой раны он намеревался перебраться в Оксфорд, чтобы встретиться со старым другом. Он не сказал мне, кто этот друг, сказал лишь, что встреча не терпит отлагательств. Однако после ранения мой пациент сильно ослабел и решил вернуться в пансион Кларендон-Хаус — там он про-

вел очень мрачное лето, завершившееся моим покушением. Это решение чрезвычайно обрадовало директора Кларендона, доктора Джеральда Понсонби, которому было важно заполучить моего пациента обратно, поскольку его пребывание щедро оплачивалось его семьей. Поэтому Понсонби организовал для него в Кларендоне роскошный прием.

«В этой жизни все повторяется, кроме хорошего», — говаривал мой отец. И вот когда наш экипаж ехал по проспекту Кларенс и я снова увидела поднимающуюся над пляжем тень Кларендон-Хауса с его фасадом в голландском стиле, его островерхими крышами, с каминными и стрельчатыми фронтонами, увидела вдалеке море, мутное и серое на закате, точно роговица старческого глаза, я ощутила неясную тревогу. Именно здесь начались события этого страшного лета, и вот мы возвращаемся в Кларендон.

Это было как предчувствие.

Калитка в стене, колокольчик и табличка «КЛАРЕНДОН-ХАУС. ПАНСИОН ОТДЫХА ДЛЯ ДЖЕНТЛЬМЕНОВ» — все оставалось на своих местах. Рядом с калиткой собрался и персонал: от доктора Понсонби до последней служанки; морской ветер играл с полами сюртуков и белыми чепцами. Там стояли мои сослуживицы: старшая медсестра Мэри Брэдок, медсестры Нелли Уоррингтон, Сьюзен Тренч и Джейн Уимпол со своей *благопристойной* вуалью на чепце; Гетти Уолтерс — плачущая и смеющаяся — и другие служанки; повариха миссис Гиллесли; бухгалтер Филомон Уидон со своим помощником, юным Джимми Пигготом, который выполнял для моего пациента множество мелких поручений. Все они стояли в ряд, неподвижно, некоторые (например, Понсонби) приложили руку к груди, как будто встречали какое-нибудь высокопоставленное лицо. Когда Джимми открыл калитку,

к нему присоединился Уидон; с помощью дюжей Гетти они водрузили моего пациента на кресло-каталку.

Речь, подготовленная Понсонби, зависла в воздухе по той причине, что мой пациент уснул в экипаже. Он даже издавал легчайшие звуки, различимые только для того, кто поборол бы страх перед странными чертами его лица и большими полуоткрытыми глазами — которые он никогда не закрывал во сне, — и приблизил бы ухо к его губам: это было как не до конца закрытый краник, соединенный с каким-то далеким уголком его мозга, а указывали эти звуки на пребывание в глубокой летаргии; маленькие руки моего пациента были скрещены на груди.

Никто не решился его будить.

Таким образом вся процессия, возглавляемая доктором Понсонби и Уидоном, медленно двинулась ко входу. В авангарде Джимми толкал перед собой кресло-каталку.

Медсестры двинулись последними — думаю, потому что они пожелали по крайней мере бросить взгляд на то другое, что прибыло вместе с долгожданным пансионером.

И этим другим была я.

Они смотрели на меня точно на место, которое следует предварительно изучить, чтобы решить, стоит ли приближаться. Разумеется, все они знали о моем поступке, им представили более-менее доходчивое объяснение («гипноз» и «транс»), но я не упрекала своих товарок за недоверчивость. Какого приема может ожидать медсестра, воткнувшая нож в своего пациента, едва его не убившая? Я опустила глаза долу, я побледнела под цвет своей шляпки.

И тогда наша начальница Мэри Брэддок нарушила молчание:

— С возвращением домой, Энни. — Она чуть склонила свою большую голову.

Больше никто ничего не сказал, и мы вошли в Кларендон. Я шла последней.

«В этой жизни все повторяется, кроме хорошего», — говаривал мой отец. На самом деле все иначе: события притворяются повторениями, однако они никогда не будут прежними.

А плохое, как правило, оборачивается худшим. Очень скоро мне предстояло в этом убедиться.

Э

В ту ночь я спала без кошмаров. Быть может, я слишком устала. Проснувшись на рассвете, прошла в ночной рубашке в общую ванную для медсестер, умылась, вернулась к себе в комнату и надела свою униформу, которую для меня сложили стопкой на столе.

Время как будто вернулось назад. Вот о чем я думала, впервые за месяц облачаясь в это одеяние. Широкая юбка строгого черного цвета, белый нагрудник, белый передник, пояс с карманами, заполненными полезными предметами, накрахмаленные манжеты и воротничок, и, как вишенка на торте, высоченный кларендонский чепец. Чепец-митра. Увенчав себя, я улыбнулась. Улыбка моя ментально угасла. Мутноватое зеркало, висевшее на стене в моей комнате, показало мне очень странный образ. Да, не всяк монах, на ком клобук, это уж точно.

Я спросила себя, стану ли я вновь одной из медицинских сестер Кларендон-Хауса.

Пока что я остаюсь медсестрой при моем пациенте, и я должна его вымыть.

Мы уложили его спать в той самой комнате, которую он занимал раньше: последней в восточном крыле второго этажа. В то утро я застала моего пациента в большом оживлении. Служанка принесла ему завтрак (теперь на тарелках почти ничего уже не осталось) и поставила на постели подушку так, чтобы он мог завтракать полулежа. Шторы были раздвинуты.

— Добрый и не совсем обычный день, дорогая мисс Мак-Кари. Как прошла для вас первая ночь по возвращении в Кларендон?

— Великолепно, — сдержанно отозвалась я. — А для вас?

— Одна из самых долгих и отдохновенных ночей на моей памяти.

— В длительности вы не ошиблись: вы ведь проспали со вчерашнего полудня. — Я положила принадлежности для умывания и смену белья на комод. И заметила перевязанный ленточкой конверт возле вазона со свежими петуниями. На конверте было аккуратно выведено: «Для мистера Икс» — в отсутствие имени все так называют моего пациента. — Вам письмо.

— Ах да. Пожалуйста, откройте и прочтите. Его принесла служанка. Это приветственные слова от доктора Понсонби — то, что, кажется, он не смог мне сказать вчера.

— Потому что вы спали.

— Забавно, — заметил он. — Я впервые заснул *до* того, как доктор Понсонби начал говорить. Но все же прочтите. Понсонби гораздо более лаконичен на бумаге. Готов поспорить, он будет краток.

Мой пациент не ошибся. Там было всего несколько строк вычурной каллиграфии.

Глубокоуважаемый сэр,

наш восторг по поводу Вашего решения вернуться в наш скромный пансион может — я не говорю «превзойти», но сравниться разве что с сознанием ответственности, обязанности и долга, которое охватывает нас в Вашем высокочтимом присутствии. Смею заверить, глубокоуважаемый сэр, что мы в Кларендон-Хаусе приложим все возможные усилия, чтобы Ваше пребывание — на сей раз — было достойно Вашего высокого положения.

Искренне Ваш,

доктор Джеральд Понсонби

P. S. Пожалуйста, передайте эти слова приветствия также и мисс Мак-Мердок.

— Вот этим «Ваше пребывание достойно Вашего высокого положения» он намеревался сделать комплимент или речь идет скорее об угрозе? — рассуждал мистер Икс.

Я уже расстегнула на нем рубашку. Спешу уведомить, что мистер Икс, стоя в полный рост, большинству из вас едва ли достанет до пояса.

— Даже вам известно, что одно дело — положение и совсем другое — телосложение, — заметила я без улыбки. В эти мгновения я не могла отвести взгляда от сомкнутых губ шрама на его щуплом боку.

— Не удивляйтесь, что доктор Понсонби их путает. Он ведь по-прежнему путается и в вашей фамилии, мисс Мак-Кари.

— Мы, люди, меняемся меньше, чем нам бы хотелось.

— Некоторые даже прилагают усилия, чтобы не меняться, — изрек мой пациент.

Я наклонилась возле кровати, выжимая тряпку с мыльной водой. Типичный для моего пациента загадочный комментарий. Я понимала, что он имеет в виду меня. Все верно, я действительно вела себя сухо и отстраненно, но он не говорил мне самого главного, и это было нестерпимо. Все его слова были призваны меня оправдать, вместо того чтобы объявить со всей ясностью: мисс Мак-Кари, вы испытали *наслаждение*, вы испытываете его даже сейчас, в воспоминаниях.

Моя вина не находила облегчения, потому что мой проступок как раз и являлся величайшим облегчением.

Я водила тряпочкой по всему его маленькому телу. Мой пациент был изящного, даже хрупкого сложения — за исключением его огромной головы. Кстати сказать, у него было привлекательное тело. Я не собираюсь описывать его во всех подробностях и призываю вас не обращать на этот абзац больше внимания, чем следует: если вы желаете быть *непристойными*, отправляйтесь в театр.

Достаточно упомянуть, что мой пациент был человек нормальный и заурядный, только размерами с мальчика в том, что касается его тела, с большой головой яйцеобразной формы, с высоким лбом, с густой копной волос, с носом настолько орлиным, что это казалось опасным, с большими глазами разных цветов: левый глаз был весь алый из-за постоянного кровоизлияния; правый — голубой из-за непомерных размеров радужной оболочки. Когда мистер Икс на тебя смотрит, левый глаз как будто приговаривает тебя к вечному багрянцу, а правый в то же время отправляет прямиком на небеса. Как будто тебя оценивает божественное правосудие. А правосудие, как говорится, слепо; думаю, именно поэтому два этих самоцвета не могли одарить ответным взглядом того, кто ими любовался.

Мистер Икс был слеп от рождения.

— Быть может, вы наконец пожелаете со мной это обсудить? — выпалил он внезапно, пока я его вытирала.

— Что обсудить?

— То, что вы не желаете со мной обсуждать.

— Если я не желаю с вами что-либо обсуждать, то я и не стану этого делать.

— Мисс Мак-Кари, есть вещи, которые мы можем делать вопреки нашему желанию.

— Эта вещь не из таких.

— Ах, но то, что вас мучает, *было* именно из таких. — Я остановилась и посмотрела на моего пациента. Он на меня не смотрел. Голос его звучал мягко. — Вы можете перестать видеть кошмары в любой момент, уверяю вас, мисс Мак-Кари.

— Так вы теперь шпионите и за моими снами?

— Нет, вы просто оставили дверь открытой: любой может наблюдать за вами снаружи. Но, повторяю, вы можете перестать себя винить в любой момент. — (Я ничего не

сказала и надела на него чистую рубашку.) — Пожалуй-ста, пересадите меня в кресло, — попросил он.

Этот предмет мебели был кожаный (кожа почти утратила цвет от долгого использования), с высокой спинкой — выше, чем спинка кресла честерфилд; кресло мистера Икс всегда было обращено к окну и отвернуто от двери. Помимо названных предметов, в комнате помещалось не так уж много: комод, ночной столик, два стула и камин в дальней стене — в нем, как усталым тоном поведала мне служанка, засорилась труба. Мы могли бы использовать жаровню, но ничто не предвещало сильных холодов.

Я завязала на его талии маленький халатик (такой мог бы носить подросток), подложила на кресло подушку и на руках перенесла моего пациента. Он почти ничего не весил. Мистер Икс вздохнул от наслаждения, когда я усадила его в кресло, точно куклу на полку.

— Дорогой мой друг, — произнес он, поглаживая кожу. — Как же мне тебя не хватало...

Я не могла себе представить мебели более затертой, чем это кресло, но промолчала.

И тотчас уставилась в пол. Я помнила, что совершила свое непростительное деяние в другом помещении, уже после кратковременного переезда мистера Икс, но кресло при этом присутствовало. Немой свидетель обвинения.

Я сдержала приступ рыданий и сошла с ковра.

Потому что мистеру Икс не нравилось, когда плачут над ковром.

— Мисс Мак-Кари, — промурлыкал он, устраиваясь поудобнее, — мы проводим полжизни, вина себя за то, что делаем, а вторую половину — делая то, чего делать не хотим...

— Вам тоже есть за что себя винить, сэр, — отозвалась я, и слезы прорвались наружу.

— За что же?

— Вы хотели, чтобы я стала вашей личной медсестрой.

Я плакала вдалеке от него, в одиночестве, как того и заслуживала. Он ответил устало:

— Это лучшее решение, какое я принял за всю свою жизнь. Только вообразите, как было бы скучно без таких вот сентиментальных моментов, когда я вынужден вас утешать. — Шутка его не возымела эффекта, и он заговорил мягче: — Все будет хорошо. Хватит винить себя за то, что совершили не вы...

Я не знала, как ему объяснить, что дело не в этом. Не в моем поступке, а в наслаждении, которое он повлек за собой. Мое наслаждение — это нечто чуждое, вложенное в меня Десятью? Или они всего-навсего раскрыли его внутри меня? Отчего этот человек, столь проницательный в расшифровке загадок, оказался настолько слеп перед противоречиями такого простого ума, как мой? Мистер Икс подождал, пока я успокоюсь, а затем продолжил своим обычным тоном:

— Как бы то ни было, когда они попытаются в следующий раз, им не застать меня врасплох...

От этих слов мои слезы разом иссякли.

— Вы думаете, они снова попытаются? Убить вас?

— Ну разумеется. Они задались этой благой целью на нынешний год. Конечно, они больше не станут действовать через вас. Наверно, придумают еще более изощренный способ. Но в моем лице они столкнутся с противником как минимум не ниже себя, если использовать выражение доктора Понсонби.

Я была ошарашена. Признаюсь, когда мой пациент изъявил желание вернуться в Кларендон, я тешила себя надеждой — возможно, нелепой, — что мы сможем все начать сначала. Начнем так, как все должно было сложиться, когда я приехала в это самое место и вошла в эту са-

мую комнату три месяца назад, сотрем все, что произошло потом, — как вычеркивают текст вроде того, что я пишу сейчас: сотрем Убийство Нищих, жестокого Генри Марвела Младшего (он же мистер Игрек), члена «Союза Десяти», заместившего собой беднягу доктора и едва не покончившего с нами, сотрем театр, перевернувший всю мою голову.

Особенно это последнее. Театр со *щекоткой*.

Вы меня извините, если я признаюсь? Я верила, что имею полнейшее право наконец-то исполнять свою скромную работу медицинской сестры, обыкновенной и заурядной, заниматься своей мирной успокоительной профессией. Потому что в сравнении с тем, что я пережила за последние три месяца, кровотечения, ампутации, клизмы и даже трепанации черепа представлялись мне такими же скучными, как полировка серебряного канделябра.

А теперь это невозможное создание беззастенчиво наслаждается своими прогнозами.

— Да-да, они попробуют меня убить... И не только меня, но еще и моего оксфордского друга...

— Того человека, которого вы собирались навестить?

— Да, именно.

— Вы никогда о нем не рассказываете.

— Потому что хочу, чтобы он сам о себе рассказал. Не может быть лучшей рекомендации, чем его собственные слова, скоро вы в этом убедитесь.

В одной руке у меня было ведро с водой, в другой вчерашнее белье. Но тут я остановилась.

— Вы имеете в виду, что ваш друг приедет сюда?

— Совершенно верно.

— Почему вы мне не сказали раньше?

— Я дожидался подтверждения. Он поселится в соседней комнате. Нам обоим грозит опасность, и я хочу, чтобы он находился рядом.